

СОН ЗЛАТОГЛАЗКИ

Елена
Лапшина

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Елена Лапшина
Сон златоглазки
Серия «Поэтическая серия
«Русского Гулливера»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42316150

*Сон златоглазки:
ISBN 978-5-91627-214-7*

Аннотация

«Сон златоглазки» – это стихи, легко входящие в повседневный строй жизни. Они смиренны, молитвенны, символичны и в то же время просты и теплы. Автор умеет увидеть мимолетную красоту мира и одновременно проблеск непреходящего в ней. Эта двойная оптика жизни и красоты наряду с редкой по силе энергетикой – авторский знак поэзии, представленной в книге. В стихах, словно забывших про мотивы борьбы и отрицания, совершается работа жизни, открытой тайне «ежедневной смерти», как дороге в незримый и бессмертный мир, частично уже пребывающий среди нас. Возможно, поэтому время в книге принципиально обратимо. Стихи предполагают внимание читателя к скрытым культурным кодам. В книгу вошли как стихи из предыдущих сборников, так и написанные совсем недавно.

Содержание

Сны Евы	5
«Где-то воды стоят покойны, движенья чая...»	10
«Неужели, Господи, так и сгинем...»	12
«Кто в доме лубяном? Насельник, отвори...»	13
«...И найденное – не было искомым...»	14
«Забери, забери, забери...»	15
«Родной канзас от щебета оглох...»	16
«Хорошо бы жить, ничего не зная...»	17
«Ой, дела мои, дела...»	18
«Поговори со мной, стоящий за спиною...»	20
«В терпении жизни подённой...»	21
* * *	22
«Небо сине, солнце жёлто, зелена под ним трава...»	22
«Вот получишь ремня и реви в темноте, голоси...»	23
«В детских поисках жизни привольной...»	24
«Это только кажется, что просто...»	25
«Спросонья прислушайся, смяв под рукой образок...»	27
«Смолчит стяжавший благодать...»	28
«Дремала, книжечку листала...»	29
«Когда умру и сделаюсь звездой...»	30

«Сны мои раз от раза всё безнадежней...»	31
«Перенимая птичью худобу...»	32
Любить Париса	33
1	33
2	35
3	36
4	37
5	38
6	39
7	40
«Сломанными флажками сверху сигналит птица...»	41
«Медведицей, утицей – всем, чем кажусь...»	42
* * *	44
«Упрямо бредущим с росой на висках...»	44
«...И было объятье девятого вала...»	46
«Лбом припадая ко тверди воды...»	48
«Как балерина в комнате пустой...»	49
«И вроде бы лёта короче, а зимы лютей...»	50
Желанием жива	51
«ещё одна зима...»	51
«ни тропы ни улицы не найти...»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Е. Лапшина

Сон златоглазки

Сны Евы

Отец Павел Флоренский свою книгу «Обратная перспектива» начинает с размышления о природе сновидений, сосредоточивая внимание на особенностях течения времени. Он приходит к выводу, что время в сновидениях течёт не из прошлого в настоящее, как в яви, а наоборот – из будущего в настоящее. Мир сновидений – это не материальный мир, но духовный, следовательно, временная связь с миром духовным осуществляется не так, как мы привыкли в нашей повседневной жизни, где причина предшествует следствию, а по иному закону, закону «обратной перспективы», в котором следствие предшествует причине и раскрывает её смысл и значение.

По принципу «обратной перспективы» построена композиционно и новая книга стихотворений Елены Лапшиной. Новые стихи предшествуют написанным ранее. Читатель, знакомящийся с этой книгой, совершит удивительное путешествие в «поэтическое сновидение», в котором прошлое будет детерминировано будущим. Читая страницу за страницей, переходя от стихотворения к стихотворению, т.е. дви-

гаясь в будущее, он окажется в прошлом. Приближаясь к устью, он окажется у истока (по словам самого поэта, творческий путь начался в конце 90-х годов).

Но закон «обратной перспективы» действует и в смысловом пространстве сборника. В стихотворении «И вроде бы лета короче, а зимы лютей» героиня мечтает проснуться в детстве, встретиться с собой и с теми, кто уже покинул этот мир. Но перед нами не психологический экзерсис, а онтологическое по сути желание воскресения в вечности: «И всё, что даётся, и всё, что кончается здесь, / вне места и времени длится, и длится, и длится». Характерна в этом смысле строчка «Против течения в горнее уходя» из стихотворения «В той тишине, где яблони обветшали» или образ рыбы, «ныряющей наоборот», или головокружительный смысловой бросок от образа неверного возлюбленного – к Каю, а от него – к Каину.

Перед нами разворачивается игра света в гранях единого поэтического кристалла, разные смысловые слои просвечивают сквозь оболочку слов, накладываясь друг на друга. Так, в стихотворении «Осень с мешком наливных на горбу» три смысловых луча: «натуралистический», символический и типологический.

Осень с мешком наливных на горбу
ходит каргой по дворам.

Спит златоглазка в стеклянном гробу
меж заколоченных рам.

Мнится на улице злой хохоток,
ветхое вьётся тряпье.
Спит златоглазка, свернув хоботок.
Кто поцелует её?..

Неприметное насекомое с красивым именем, уснувшее меж заколоченных рам, – вполне узнаваемый обыденный образ, который преломляется в поэтическом пространстве, превращаясь в образ спящей в хрустальном гробу пушкинской царевны, ожидающей своего жениха. Но для духовного ока раскрывается потаённый смысл стихотворения, его творческий первоисточник, суть которого – в надежде воскресения мёртвых.

Елена Лапшина нежно и осторожно прикасается к миру, который прекрасен и трагичен одновременно. Прекрасен, потому что сотворён Богом, трагичен, потому что человек потерял рай, когда-то дарованный ему. Рай остался как воспоминание, как сон, поэтому так част в сборнике мотив сна: сны снятся рыбам, насекомым, вещам и, конечно, лирической героине.

Но это не просто «поэтические сновидения». Перед нами сны Евы, внявшей словам змея, соблазнившейся и соблазнившей Адама, изгнанной из Рая, осознающей свой грех, свою ответственность, страдающей от боли непоправимого рокового шага: «А у меня – оскомина и сладость, / предательство Адамово, враньё / и Евы – не бессилие, но слабость

— / влечение, наказание её».

Боль, страдание, мука, но не отчаяние, ибо Еве открыт и путь спасения. Трудный, скорбный, мучительный, но одновременно светлый и радостный:

Спросонья прислушайся, смяв под рукой образок, —
вот боль возвращается, как возвращается нищий.

И ноет, и ноет: подай мне, подай мне кусок.

И гложет, и гложет, пока не подавится пищей.

А ты ей: не больно, не больно... — и плачешь, и гладишь
бока.

Баюкай её, утешай, как голодное чадо, —
кормилицей, нянькой, понявшей, что жизнь коротка
и больше — не надо.

И ночь выцветает в окне, как пролившийся йод.

Серебряный крестик от пота темнеет на шее.

Ты просишь: подай мне, подай мне... И Он подаёт,
и тело, и кровь предлагая тебе в утешенье.

Какую весть нам должно принести самое главное «сновидение», «абсолютное сновидение»? Каков смысл и итог всего? Для чего дана нам жизнь? «Абсолютное сновидение» несёт нам весть, что сна больше не будет, точнее, не сна, а смерти. И нашей Еве дано такое «откровение сна». Только это и спасает её и её мир от бездны отчаянья:

Причастие 24.VII.2004

Отцу Димитрию Шумову

Незрячая, безгласная, глухая,
израненная до смерти в миру...
Но ангелов невидимых вдыхая,
я чувствую, что больше не умру.

И значит, бег извечной круговерти
замедлится, и тем, кто слеп и глух —
таким, как я — уже не будет смерти,
но возвратятся зрение и слух.

Над пеленою блудного бывшего
всё ново: удивляйся и внемли!
И мир — одно Сияющее Слово,
как в первый день творения земли.

Человек живёт не между рождением и смертью, а между рождением и рождением в Царство Небесное. Вот об этом и свидетельствуют сны Евы, поведенные нам поэтом Еленой Лапшиной.

Светлана Кекова

«Где-то воды стоят покойны, движенья чая...»

Где-то воды стоят покойны, движенья чая,
где-то злачные пажити изобильны.
Тростниковую лодку посуху волоча, я
[будто бы все спаслись, а меня забыли], —
постаревший, вод не видевший Антиной
в засухе затяжной.

Где он — край заповедный? [А мнилось — близко.]
Мне доплыть бы, всякую тварь спасая,
да окрест ни аспиды, ни василиска, —
праотец юродивого Мазая.

Может, там голубица вдали ликует —
крыльев слепящие всплески, порски.
То ли на горе белизна бликует,
то ли нарождается свет Фаворский.

То ли отыскал я свою потерю:
под горою ливанский кедр, смоляные сосны,
на горе цветущей — глазам не верю! —
вот он — высокий, гордый, победоносный!.. —

в зареве золотом

город стоит Содом.

2017

«Неужели, Господи, так и сгинем...»

Неужели, Господи, так и сгинем
на бескрайнем белом под синим-синим...
Запечатляясь письмом, портретом
(что на том – неведомо, пусть на этом!),
фотоснимком переживать живое,
комаром впечататься в лобовое,
слепком, следом ли на подталом,
чтобы здесь остаться хоть чем-то малым.
Ладно книгой, хотя бы культёй абзаца,
парой строк куда-нибудь да вписаться,
расшибая лоб, матеря иное,
всё ломиться в мнимое, плотяное,
пробивая бреши в небесной гжели,
вопрошая: Господи, неужели?..

2017

«Кто в доме лубяном? Насельник, отвори...»

Кто в доме лубяном? Насельник, отвори —
поговори, согрей продрогшего на стуже.
Послушай, если ты тот, кто сидит внутри,
то почему коришь стоящего снаружи?

Чего тебе ещё?.. — за тридевять ходить,
носить тебе рожна и быть во всём повинным?
Да как тебя ни тешь, ничем не угодить —
ни птичьим молоком, ни рисом муравьиным.

Молчи себе, а нет — с любовью обличай,
по мелочи пеняй, оправдывая случай.
Не нарочито — нет, — как будто невзначай.
А лучше ничего не говори, не мучай.

2017

«...И найденное – не было искомым...»

...И найденное – не было искомым.
Никто из сыновей не утаит
то яблоко, что встало в горле комом —
Адамово – так в горле и стоит.

А у меня – оскомина и сладость,
предательство Адамово, враньё
и Евы – не бессилие, но слабость —
влечение, наказание её.

В каких бы ты садах ни шёл тропую,
к каким бы ни притронулся плодам,
любой из них, надкушенный тобою,
тебе напомнит яблоко, Адам.

2003–2017

«Забери, забери, забери...»

Забери, забери, забери
это всё, что скребётся внутри,
всё, что щерится в прорезь зрачка —
человечка меня, червячка.
Ничего не оставь, ничего —
моего.

Говоришь: дурачок, червячок,
человечек, пескарик, сверчок,
будь покоен, стручок, будь здоров —
Я даю тебе пищу и кров.
Ты во Мне, Я в тебе – не дури,
забери Меня ты, забери.
Эту боль, этот свет изнутри —
всё бери!

2017

«Родной канзас от щебета оглох...»

Родной канзас от щебета оглох,
летает пух, цветёт чертополох
и наступает время ураганов.
Упругий воздух, скрученный трубой,
качает мой вагончик голубой —
плацкарта, дребезжание стаканов.

Вокзал канзасский канул без следа —
летят года, вагоны, города.
То крышу рвёт, то Тошку укачало...
Я обживаю перелётный быт.
Мне всё равно, куда вагон летит —
в конце всё начинается сначала.

2017

«Хорошо бы жить, ничего не зная...»

Хорошо бы жить, ничего не зная —
вот тебе коврижка-ватрушка-сайка.
Если мир – тарелочка расписная,
то и жизнь – что яблочко-покатайка.
Жаль, не наливное, а так – китайка.

Да тебе неймётся – всё ищешь смысла.
Куды котишься, ладная, молодая? —
переставляя то падежи, то числа,
на кофейной гуще впотьмах гадая.
Вечный голод яблоком заедая.

Видно, не по разуму эта ревность.
Никни, долгий волос в косу свивая.
Засыпай, отравленная царевна, —
матери оскомины вековая.

2017

«Ой, дела мои, дела...»

(русская народная песня)

Ой, дела мои, дела —
я сегодня весела —
я ходила-хороводила, приплясывала.

А я бёдрами покачивала,
чеботами приколачивала.
А я квёлых-невесёлых озадачивала.

Меня милый целовал,
миловал и предавал,
возвращался, обещался, зазывал на сеновал.

А я вдовая,
я бедовая.
Моя доля – бабья воля бестолковая.

Я сегодня весела —
я взяла да и пошла —
целовала-миловала, приголубливала.

А права я – не права, —

мне что слава, что молва,

мне что воля – что неволя, а слова его – слова.

Ой, дела мои, дела —

я сегодня весела —

всё ходила-хороводила, приплясывала.

2017

«Поговори со мной, стоящий за спиною...»

Поговори со мной, стоящий за спиною,
не поминая зла, утешь меня, утешь
на этом языке, где самое родное —
страдательный залог, винительный падеж.

Услышь меня, пока шепчу из-за плеча я,
покуда сторожу и времени сполна.
Я слышу голоса, но слов не различаю,
уже не вижу лиц, но помню имена.

Я с ними говорю, стоявшими заслоном.
Их, прозвучавших здесь, там — эхо повторит.
И ты пойдёшь за мной, как я иду за Словом,
и тот, кто за тобой, — пусть с нами говорит.

2017

«В терпении жизни подённой...»

В терпении жизни подённой,
гонима на той, что стою,
в зимовье её на Студёной
с тоскою по небытию:
сама себе – дальние страны,
где странноприимны кресты.
В сквозные оконные раны
остуда влагает персты.
И пробует: правда ли это —
живое тепло каково?
И не получает ответа.
А, может, не верит в него.

2017

«Небо сине, солнце жёлто, зелена под ним трава...»

1

Небо сине, солнце жёлто, зелена под ним трава.
Я царевна и пускаю лебедей из рукава.
Как понять, что я царевна? – вот корона, вот фата.
Хороша моя картина, тритатушки-тритата.

Только в жизни я другая – плакса, писаюсь в кровать,
потому что в этом мире в тихий час нельзя вставать.
Я терплю, и замирает в безысходности душа...
Распростёрта надо мною синева карандаша.

«Вот получишь ремня и реви в темноте, голоси...»

2

Вот получишь ремня и реви в темноте, голоси
и прощенья проси, выноси справедливость прещенья.
Иже Кто там еси? – Но тебя заставляют: «Проси».
Ну, конечно, сначала ремня, а потом уж прощенье.

В темноте – никому, ничего, ни за что, никогда —
не признаешь вины, и ремень тебя не застрашает.
Но в темнотах такое живёт, что не имеет стыда
и не знает любви, потому – никого не прощает.

Пустяковая взбучка – горячка пониже спины, —
всё до свадьбы ей-ей заживёт – хоть назавтра и сватай.
Справедливость живуча – и с той, и с другой стороны,
ибо все мы равны – наказующий и виноватый.

«В детских поисках жизни привольной...»

3

В детских поисках жизни привольной
пыльным полднем пришли ты и я
под гудение высоковольтной
на промзону Его бытия:
ни пчелы, ни цветка, ни ехидны,
над прудами – сухие кусты.
Эти земли, как прежде, безвидны.
Эти воды, как прежде, пусты.
До Адама и Евы над бездной
мы в молчаньи глядели с тобой,
как в текучей лазури небесной
округляется кит голубой.

«Это только кажется, что просто...»

4

Это только кажется, что просто...

Девочка, секретница, дитя,
привыкай к душевному сиротству,
с взрослыми родства не обретя.

Радуйся молчанью, как подарку,
там, где виновата без причин,
где тебя, как мелкую пометку,
красный карандаш изобличил.

Девочка, подросток, канарейка —
вкус вины, оскомины стыда.

«Поскорее, детка, постарей-ка —
вот тогда узнаешь, вот тогда...»

Век спустя ты встанешь к изголовью
не затем, чтоб позднее «прости»
старость, обделённая любовью,
кое-как смогла произнести.

Ври, душа, прощайся втихомолку, —
из тебя вовек не выйдет толку.

В доме, где по-прежнему чужда,
встретятся больное чувство долга
и любовь по имени «нужда».

«Спросонья прислушайся, смяв под рукой образок...»

5

Спросонья прислушайся, смяв под рукой образок, —
вот боль возвращается, как возвращается нищий.
И ноет, и ноет: подай мне, подай мне кусок.
И гложет, и гложет, пока не подавится пищей.

А ты ей: не больно, не больно... — и плачешь,
и гладишь бока.
Баюкай её, утешай, как голодное чадо, —
кормилицей, нянькой, понявшей, что жизнь коротка
и больше — не надо.

И ночь выпцветает в окне, как пролившийся йод.
Серебряный крестик от пота темнеет на шее.
Ты просишь: подай мне, подай мне... И Он подаёт,
и тело, и кровь предлагая тебе в утешенье.

«Смолчит стяжавший благодать...»

6

Смолчит стяжавший благодать
(и скажет – перёврет).

А я бы не хотела знать —
когда кому черёд.

Не твоего, не своего —
ни года, ни числа.

А если б знала, – что с того —
кого бы я спасла?

Кольцо покатится с крыльца —
сбежавшее звено.

Но претерпевший до конца...

но претерпевший...

но...

2016–2017

«Дремала, книжечку листала...»

Дремала, книжечку листала
и коротала выходной, —
я не заметила, как стала
старухой медленной чудной.

И всё – то призраки, то дети,
их колготня и суета.
И всё не так на белом свете,
и всё не то, и я – не та.

2016

«Когда умру и сделаюсь звездой...»

Когда умру и сделаюсь звездой,
а здесь оставлю выползок пустой, —
довольна буду участью любою.
Мне всё равно – не стану возражать:
назначьте, как и где ему лежать —
на кладбище под елью голубую,
в земле своей – чужой по мне дыра —
она с изнанки вся равно сыра.

[Гляди, душа, с отвагой голубиной,
приглядывай, как мудрая змея.]

А в этой яме – всё равно не я
зажата глубиной и белой глиной.
Сплетётся дёрн поверх земных заплат —
пусть лисохвост растёт и гравилат —
любой сорняк хорош в юдоли тварной,
когда природа прёт на всех парах...
А то, быть может, пусть развеют прах
иль замуруют в нише колумбарной.
Мне всё равно – не тшчитесь, хороня,
но поминайте иногда меня.

«Сны мои раз от раза всё безнадежней...»

Сны мои раз от раза всё безнадежней.

Выйдешь с утра во двор, поглядишь обаче, —
нет, не проснулась: воздух и морок здешний,
всюду просевший снег, крендельки собачьи.

Знать бы наверняка, так гори – не жалко.

Сдюжу-таки, поокаю, посижу тут.

[Вот бы и мне в девичестве сесть за прялку,
яблоко съесть, а далее – по сюжету...]

Пальцем не шевельну [рыбья кровь – водица], —
принц белоконный будет ломиться в двери.

Без поцелуя, только бы пробудиться.

Не по делам, пожалуйста, но по вере.

2016

«Перенимая птичью удобу...»

Перенимая птичью удобу
и сообразно возрасту повадку,
ходить бочком, очки носить на лбу,
беспечней относиться к беспорядку
(но памятки записывать в тетрадь),
при непогоде морщиться недужно.
Из тех вещей, что можно потерять,
мне ничего почти уже не нужно.
Вышептывать стихи (куда ж их деть),
жить, никого собой не озаботив.
И будто бы в рассеяньи глядеть
на мальчика, сидящего напротив.

2016

Любить Париса

1

*«Потерять навсегда можно
только Гектора...»*

Елена Исаева

С тугой осанкой кипариса, —
богов бессмертных не спросив, —
любить не Гектора – Париса
за то, что молод и красив.

Покуда дремлют колесницы
и не подрублена лоза, —
за эти длинные ресницы,
за эти карие глаза.

Не жребий выпал, – почему же,
среди героев и богов —
любить мальчишку, а не мужа,
любить за то, что он таков?..

И зная, что с ним приключится,

на время краткое посметь —
любить за детские ключицы,
за эту юность, эту смерть.

2

*«Я роза саронская, лилия долин!»
(I am a rose of Sharon, a lily of the valleys!)*

Книга Песни песней Соломона 2:1

День пройдёт – никакого с него спроса,
никакой вины – принимай сице.
До чего ты красива, роза моя, роза.
Почему от тебя так свербит в сердце?..

Вроде всё хорошо, размеренно, без надсада.
Разве холод внутри стоит, – так не боль же.
Всё-то есть, ничего больше мне не надо.
А взгляну на тебя и пойму – ничего больше...

Ни коснуться тебя нельзя, ни обнять мне.
Старость – это будто бы от мороза
умирают голуби в голубятне...
До чего ты красива, роза моя, роза.

«...близ конечных пределов ночи...»

Гесиод

Сплошное сияние! – якобы свято,
потом, – угасая, – усилия тела, —
когда он слетает с высот Монсальвата,
я просто бы из-под ладони глядела —
неузнанной Ледой – на первенца стаи:
на дерзкую шею, на крылья в изломе.
Осмелиться если б, устать и истаять,
застыть в запредельной безвылазной коме.
И больше уже никогда не проснуться,
не сбыться дряхлеющей девой в седирах.
Замедлить дыхание, лбом прикоснуться
и спать меж лопаток его лебединых.

Потаённое, здешнее – вот оно, вот оно, вот...
Воскресенье, окно, подоконник с процветшей драценой.
Мимолетная сладость, мальчишеский нежный живот
[эта ранняя старость внутри... этот стыд драгоценный...
эта дрожь... эта жажда...] и руки ещё сплетены,
но уже в монохромную память пошла раскадровка:
как красивы запястья... и оторопь влажной спины
под моими ладонями... вот оно... *принц-полукровка*.
То ли стаю вспугнули – швырнули пшено голубям
[трепетание крыльев, не тщишь, облекая в слова ты!...]
Утихает дыханье, ключица припала к губам,
словно краешек чаши изогнутый, солоноватый.

Там на реке, плескаясь и хохоча,
шумной ватагою, – только один не в счёт.
Будто река другая с его плеча
жилкою голубой по руке течёт.

Если бы я не думала о таком —
тонком и нежном с шёлковым животом...
Мальчики пахнут потом и молоком,
а молоком и мёдом – уже потом.

Там по реке вдоль берега – рыбаки, —
тянут песок и тину их невода.
А у него ключицы так глубоки, —
если бы дождь – стояла бы в них вода.

Я бы купила серого соловья,
чтобы купать в ключице, да неспроста:
я бы хотела – этого – в сыновья,
чтобы глаза не застила красота.

Полдень стоит в Эдеме, сладкое бродит брашно —
позднею луговой ягодой угости.

Только в глазах темнеет и наклониться страшно.
Юный Адам смеётся, ягоду мнёт в горсти.

Дудочку и кувшинчик дай ему – он моложе,
он преклоняет травы, и устилают путь
розовые соцветья, венчики, цветоложа.
Господи, искушенье – запах его вдохнуть.

Ешь у меня с ладони – радость моя, проруха, —
смуглым плечом касайся будто бы невзначай.
Мне ничего не надо – Господи, я старуха, —
только бы это лето, ласточки, иван-чай...

и не на что пенять
[всё все на авось]
хотевшая обнять
~~коснувшаяся вскользь~~
прошедшая насквозь
молчащая как мать
гремящая как медь
пророчившая рай
[ломавшая комедь]
раздраживая страсть
растравливая сплин
[и преломляя трость
и угашая лён]
утраты торопя
[нетерпеливый зверь]
сгубившая тебя
твоя Иезавель
сумевшая любить
[до боли не щадя]
посмевавшая забыть
что ты ещё дитя

«Сломанными флажками сверху сигналиит птица...»

Сломанными флажками сверху сигналиит птица.
Кто её разумеет? – нет никого окрест.
Только над прудом ива – будто пришла топиться.
Ива стоит и плачет, чёрную землю ест.

Бездна небес глядится в тёмный нагрудник пруда,
видя в нём только птицу, рванный её полёт.
Небо само не может жить ожиданьем чуда.
Ива стоит и плачет, чёрную воду пьёт.

Что у неё за горе? Кто её здесь оставил?
Но прибежит купаться – выгнется и вперёд! —
тонкий и голенастый, с виду как будто Авель.
Ива ему смеётся, – кто её разберёт.

2016

«Медведицей, утицей – всем, чем кажусь...»

Медведицей, утицей – всем, чем кажусь,

тебе я, царевич, ещё пригожусь.

На край и за край – за тобой по пятам

[куда ты подался? чего тебе там?

какой молодецкою блажью гоним?]

И я побежала за ним...

Остался на ветке в чащобе ночной

рукав лебединый да жемчуг речной.

Острастна крапива, горька лебеда —

по следу, по следу – а нету следа...

[Не имамый правды соделался пуст...]

И вся эта жизнь – как-сквозь-куст.

Чтоб хлеб с голодухи железный глотать,

и кровью давиться, и зубы глотать.

...Отнимешь глаза от земли, а над ней

и кроны редуют, и небо видней.

Ан вот он, родимый, лежит налегке

с калёной стрелой в заскорузлой руке,

на каждой глазнице – железный кружок:

Ну здравствуй, царевич, – заждался, дружок? —

Прилягу и я отдохнуть под кустом,

тебя поцелую оржавленным ртом.

2016

«Упрямо бредущим с росой на висках...»

1

Упрямо бредущим с росой на висках,
по грудь увязающим в сонных песках

и пьющим печали песчаное пенье,
одно испытанье – терпенье, терпенье...

А время ещё никуда не текло,
и воды стояли, как будто стекло,

незримо связуя зернистые звенья —
песок в тонкостенном сосуде забвенья.

А время и не обращалось во зло,
покуда не взялся Харон за весло,

но ринулось тайно точимую брешью

слепое стремление рек к побережью,

упорство падения струй с высоты.

Но нам, обретающим рыбы хвосты,

оно уже не приносило вреда —

пленённое время клепсидры – вода.

«...И было объятье девятого вала...»

*Искатели страсти, свидетели грусти —
земля не примет, вода — не отпустит...*

2

...И было объятье девятого вала,
и ртами пираний вода целовала,

и бились в борта, выходя из воды,
харибды и сциллы — ладони беды.

Щепой корабли разлетались, дощаты.
Просили не силы, просили — пощады.

Но тайного слова губительный гнёт:
земля не примет, вода — не вернёт.

И ныне над нами смыкаются своды —
тяжёлые льды — онемевшие воды.

Ни звука, ни вздоха, и виден сквозь лёд

мерцающих рыбиц застывший полёт.

«Лбом припадая ко тверди воды...»

3

Лбом припадая ко тверди воды,
сквозь темноту устремляясь к нему я —
в глубоководное, глухонемое,
взглядом вращаясь во льды...

Вон он — за необратимую тьмой
[в этой воде, не смягчающей жажды, —
как дезертиру, бежавшему дважды] —
лживый, но ныне немой.

Чем же утешить себя остаётся? —
Были бы живы, — надёжный дождётся,
верный — вернётся домой.

2005–2009–2016

«Как балерина в комнате пустой...»

Как балерина в комнате пустой, —
на цыпочках, под зимним одеялом, —
ты подойди, у зеркала постой.
Пододеяльник – белое на алом...

И невозможно маленькой стопой
коснуться досок крашеного пола.
Ты поджимаешь пальцы... Бог с тобой...
Ветрянка, жар, пропущенная школа,

отметины зелёнки на белье
и, будто в крылья тяжкие одета,
ты всё долбишь своё батман-плие,
ещё живая девочка-Одетта.

2016

«И вроде бы лёта короче, а зимы лютей...»

И вроде бы лёта короче, а зимы лютей,
и ночи бессонней, а сны наяву – беспробудней.
Уже фотографии стали дороже людей,
а воспоминания ближе сегодняшних будней.

И вещи уже тяготят, хоронясь по углам,
теснят в неуюте квартиры (тоска городская) —
желанные прежде – теперь превращаются в хлам.
Лишь те, что из детства, упорствуют, не отпуская.

И вот бы проснуться отсюда, и там – наяву —
себе постаревшей, как старому другу, доверя
и ключ от квартиры, в которой уже не живу,
и запахи комнат, и звук открываемой двери...

И чтобы все живы, и в воздухе пыльная взвесь,
воскресное утро, на кухне вещает столица.
И всё, что даётся, и всё, что кончается здесь,
вне места и времени длится,

и длится,

и длится...

Желанием жива

«ещё одна зима...»

Ольге Ивановой

1

ещё одна зима
то дрожь то забытьё
смятение ума
безумие её
укрыться с Покровá
где книга и кровать
[на всякий – рукава]
и не существовать
во мнимое скользнуть
[бежа её мрежей]
сквозь ледяную сныть
оконных витражей
покуда же из-под
испарины земной
не глянется испод

не встанет предо мной
по зову естества
[желанием – жива]
ещё одна листва
ещё одна трава
ещё одна зима
[желанью вопреки]
да ледяная тьма
над логовом реки

«ни тропы ни улицы не найти...»

2

ни тропы ни улицы не найти
в мельтешеньи снега её слепом
ты очнёшься мальчиком в темноте
к полынье стекла припадая лбом
ничего не памятуя мертвей
ледяных качающихся ветвей
истязая слух
отрясая прах
отпевая птиц на её ветрах
изнывая
воем сводя с ума
в темноте забрезжится волчий час
и тогда восходит она сама
в тесноту оконную просочась
заслонишь рукой
[красота люта]
но скрипит на стеклах её слюда
снежный хохот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.